

Исследования по истории русской мысли

STUDIES IN RUSSIAN
INTELLECTUAL
HISTORY

[15]

Edited
by Modest A. Kolerov

Модест Колеров
M o s c o w 2 0 1 9

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

ЕЖЕГОДНИК 2019

[15]

*Под редакцией
М. А. Колерова*

Модест Колеров
Москва 2019

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)
С 23

13 августа 2019 года скончался
**НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
ГАВРЮШИН**

Под редакцией М. А. Колерова

С 23 Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год.
М. : Модест Колеров, 2019. 808 с.
ISBN 978-5-905040-48-1

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-905040-48-1

© Авторы статей, 2019
© Оформление серии — С. В. Митурич,
С. Д. Зиновьев, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-издателя ежегодника 8

М. А. Колеров. Новое свидетельство современника о Владимире Соловьёве. Приложение: Л. Е. Оболенский. Мои личные воспоминания о В. С. Соловьёве (1900)..... 9

Тимур Шукин. Русская София: источники софиологического толкования древнерусской иконографии В. С. Соловьёвым 24

А. М. Хамидулин. Мистические аспекты философии Франка: сравнительный анализ философии С. Л. Франка, Н. А. Бердяева и И. А. Ильина..... 54

Г. Е. Аляев, Т. Н. Резвых. Социальная психология: незавершённый проект С. Л. Франка. Предисловие к публикации.....235

С. Л. Франк. [Материалы по социальной психологии 1902–1913 гг.].....268

Г. Е. Аляев, Т. Н. Резвых. Послесловие к публикации. С. Франк и Г. Зиммель. Интуиция. Психологизм и антипсихологизм383

М. А. Колеров. Предисловие М. О. Гершензона к сборнику «Вехи» (1909): его первая редакция и смысл исправлений.....401

О. В. Марченко. Пути пилигрима: Италия Андрея Белого и Владимира Эрна413

Нелли Портнова. А. З. Штейнберг и А. Блок: продолжая и переписывая427

Андрей Тесля. Г. В. Адамович и В. В. Розанов: заметки к теме447

Тереза Оболевич. С. Л. Франк и А. В. Тыркова-Вильямс456

Тереза Оболевич. Неизвестное стихотворение С. Л. Франка, написанное во время бессонницы.....484

Инскрипты С. Н. Булгакова, А. Н. Потресова, Б. А. Кистяковского и М. И. Туган-Барановского (1897–1917).....489

Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным.....491

Александр Дмитриев. Всеволод Вишневский как культурный амбассадор: в поисках модернистской составляющей советской мысли.....526

А. В. Мартынов. «Может быть, Ницше был отчасти и прав...»: маргиналии Зошенко на книге «Так говорил Заратустра».....555

Л. Кацис. Философский язык и экзистенциальная составляющая мысли Аарона Штейнберга569

Юрий Пуцаев. Почему идейное наследие К. Н. Леонтьева оказалось актуально для постсоветской России675

Виктор Милитарёв. Иван Ильин, прочитанный вчера и сегодня...707

- Андрей Тесля.* О понятии «цивилизации» в единстве и множестве: М. Б. Велижев. Цивилизация, или Война миров. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 160 с. (Серия «Азбука понятий», вып. 7)720
- С. В. Удалов.* А. Ю. Минаков. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. М., 2017. 561 с.728
- Виктор Милитарёв.* Не очень своевременная книга: Н. К. Гаврюшин. У колыбели смыслов: Статьи разных лет. М., 2019 (Исследования по истории русской мысли. Том 22)736
- Андрей Тесля.* М. А. Бирман. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.746
- Рустем Вахитов.* Отталкивание схожих: Ю. В. Пуцаев. Философия советского времени. Мамардашвили и Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). М., 2018752
- Андрей Тесля.* Советский модернизм и границы искусства: Г. Напреенко, А. Новоженова. Эпизоды модернизма: от истоков до кризиса. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 192 с. (серия «Очерки визуальности»); Б. Гройс. О новом. Опыт экономики культуры / Пер. с нем. Т. Зборовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.; С. Шурипа. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века / Вступ. сл. И. Бакштейна. М.: Институт проблем современного искусства, 2017. 343 с. (Труды ИПСИ. Т. III)767

- «Исследования по истории русской мысли». Указатели:
I. Серия «Исследования по истории русской мысли» (1996–2019);
II. Ежегодники «Исследования по истории русской мысли». Выпуски 1–15. Свод содержания (1997–2019).
Алфавитный указатель.....784

Андрей Тесля

Г. В. Адамович и В. В. Розанов: заметки к теме¹

Г еоргий Адамович — если и не по самой своей природе, то по многолетнему навыку, обратившемуся в природу — был литературным критиком, а не литературоведом. Иными словами, его интересовало произведение, текст не «сам по себе», в контексте своего времени, значения и т.д. — а с точки зрения его применимости, актуальности для современной литературы — вопрос не только и не столько «как писали» или даже «как пишут сейчас», сколько «как возможно» и «как следует писать» в наше время — какая эстетика, какое видение реальности (находящее себе адекватное выражение в слове) является верным, истинным, созвучным — если не времени, то ему самому (поскольку для Адамовича было значимо расхождение во времени — суд исходя из долговременности, если не вечности: про-

¹ Андрей Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ имение И. Канта, mes-tr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РФФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

изведение судилось по принципу «выживаемости», тому, насколько оно окажется способным преодолеть сиюминутное — и, что еще более важно, насколько оно сможет породить другие, оказывающиеся не «подражаниями», а самостоятельными произведениями).

О том, сколь значим и любим был Розанов Адамовичем в его ранние годы, до середины 1920-х годов, известно из его собственных многочисленных суждений и кратких реплик-воспоминаний, и из сохранившегося, например, экземпляра его «Облаков» (1916) с дарственной надписью:

«Василию Васильевичу Розанову — дань старых читательских восторгов. Георгий Адамович»².

Столь же известно, что в зрелые годы — с середины 1920-х и вплоть до середины 1950-х — его суждения о Розанове носили достаточно критический характер. Ограничимся лишь одной, вполне характерной, суммирующей многие другие аналогичные, цитатой — из письма Ю. П. Иваску, подготовившему для нью-йоркского Издательства имени Чехова том «Избранного» Розанова и в предисловии к нему упоминавшему оценки Адамовича³:

«Относительно Розанова: если упомянули обо мне — что же, спасибо! Но “отталкивания” от Розанова у меня нет. Просто я его меньше люблю, чем прежде. Розанов — писатель, которого можно дочитать до дна: больше нечего читать, все вычитано. Объяснение, верно, в том, что он был

² Г. В. Адамович. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 14: комментарии (1967). Эссеистика 1923–1971 / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. О. А. Коростелева. М., 2016. С. 466.

³ В предисловии Иваск писал: «Г. Адамович: Розанов — “гениальный болтун”, у него не было божественного дара умолчания, но “были годы, когда для меня не существовало другого писателя, другого ума, другого круга мыслей, даже другого стиля” (кроме розановского)» (В. В. Розанов. Избранное / Сост., предисл. Ю. П. Иваска. Нью-Йорк, 1956. С. 9).

болтун, ни о чем не промолчал. Не о чем догадываться. Конечно, молчание нарочитое — кокетство и вздор. Но бывают люди, которые не в силах всего сказать, и из них-то и выходят писатели, которых любишь всю жизнь»⁴.

Отношение к Розанову Адамовича в годы его критической зрелости было сложным⁵ — он постоянно вспоминал суждения и оценки, в свое время данные Розановым, мимоходом, цитировал его в своих статьях и письмах⁶. Так, в письме к Ю. П. Иваску от 14 октября 1954 г. замечает: «Перефразируя Розанова он мог бы сказать: “Я-то, может быть, и бездарен, да эпоха-то моя талантлива”»⁷, а год спустя, тому же корреспонденту, говоря о Кусковой, сразу же вспоминает отзыв о ней Розанова⁸.

Однако там, где Адамович дает Розанову высокую оценку, он делает это в двух совершенно разных областях:

— во-первых, говоря об интонации — отмечая его «непогрешимое чутье ко лжи и правде слова»⁹ и,

— во-вторых, обращаясь к его суждениям о христианстве, в первую очередь к «Темному лику» и «Людям лунно-го света» (двум частям «Метафизики христианства»). Так,

⁴ Г. В. Адамович. Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Публ., вступ. ст. Н. А. Богомолова; под ред. Л. М. Сурица. М.; Берлин, 2016. С. 68 (Письмо от 14 февраля 1955 г.).

⁵ См., напр.: «Настоящая магия слова»: В. В. Розанов в литературе русского зарубежья / Сост., предисл., коммент. А. Н. Николюкина. СПб., 2007. С. 60–63, в частности: «Розанова многие в наши дни разлюбили. Признаюсь, что и я — один из этих “многих”» (Там же. С. 60).

⁶ См., напр.: Г. В. Адамович. Одиночество и свобода / Сост., послесл., примеч. О. А. Коростелева. СПб., 2002. С. 53 и прямо не указанные цитаты, отмеченные в комментариях: с. 383–384; Г. В. Адамович. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 11: Литература и жизнь: «Русская мысль» (1955–1972) / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т. М. Климовой, О. А. Коростелева. М., 2018. С. 405.

⁷ Г. В. Адамович. Сто писем... С. 48.

⁸ Там же. С. 101 (Письмо от 8 октября 1955 г.).

⁹ Г. В. Адамович. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 14. С. 74.

в статье 1956 г. он называет «Темный лик» «самой содержательной и важной книгой Розанова, самой страстной и глубокой, той, в которой он свой ужас перед аскетической сущностью христианства — в тайне для неотразимо-прекрасной и влекущей — выразил с наибольшей силой»¹⁰.

В «Комментариях» (1967) он указывает точку соединения двух областей, начиная именно с отрицания, отталкиваясь от «розановщины»¹¹: «(...)все-таки писатель замечательный, природно устремленный к “самому важному”. Среди новых русских литераторов он один мог себе позволить решительно все, не “размахиваясь Хлестаковым”, потому, вероятно, что был до самозабвения искренен и меньше всего думал о впечатлении, которое слова его произведут»¹². И в «Комментариях» — отсылаемых Иваску для публикации в редактируемых тем «Опытах» — он обращается именно к розановской проблематике, как ее понимает, — к судьбе христианства и вопросу: как оно возможно в современном мире, затем, в книжном издании, поставив эти фрагменты заключительными (LXXIX—LXXXIII) — а в завершающей всю книгу статье «Невозможность поэзии»¹³, подчеркивая свое отношение

¹⁰ Г. В. Адамович. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 11. С. 34.

¹¹ «Пренебрежительное это словечко вырвалось у меня сейчас почти безотчетно» (Г. В. Адамович. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 14. С. 72).

¹² Там же. С. 73.

¹³ Сама эта статья не только одна из важнейших в творчестве Адамовича, но при этом и реализация того желания вполне высказаться, о котором он, как о невозможном для себя, писал Иваску за несколько лет до написания «Невозможности поэзии»: «(...)получается неправильно и даже неловко, хотя по человеческой слабости это и неизбежно: об одном пишешь то, что думаешь действительно, о другом — далеко не так. “Перспектива” нарушается, и понимают истину лишь те, кто читает между строк и зная автора. Я об этом часто размышляю и мечтаю когда-нибудь написать статью, которая начиналась бы приблизительно так: ну, поговорим начистоту — такой-то, такая-то и т. д. — как в “гамбургском счете”, помните, у Шкловского» (Адамович Г. В. Сто писем... С. 31–32, письмо от 17 октября 1954 г.). Ср. начало «Невозможности...»: «(...)человеку, который, в сущности, только и делал, что писал и думал

к Маяковскому и всей связанной с ним / представленной им поэтической линии, цитирует Розанова («расстаюсь вечным расставанием»): «не находится других слов, кроме запомнившейся мне розановской фразы»¹⁴.

В письме к Ю. Иваску, написанном уже почти два года спустя после выхода подготовленного им тома Розанова, Адамович вспоминал, соединяя в памяти разные фрагменты розановской прозы, — и буквально в движении текста переменял свое отношение:

«У Вашего любимого — и моего экс-любимого — Розанова есть где-то страничка о “Блаженны нищие духом”: как зубрила это его дочка и как надо бы такие слова показать человеку в конце жизни на золотом листке — помните? Удивительно! (и, вспомнив, я выкидываю свое “экс”. Удивительно!)»¹⁵.

Адамовичевская эстетика фрагмента противостоит розановской — для первого последний именно про «проговарива-

о поэзии, хочется наконец “подвести итоги”. Договорить, договориться. Одно было сказано впустую, другое — настолько мимо, для красного словца, что стыдно перечитывать, тут я поторопился, напутал, там по легкомыслию повторил без проверки то, что слышал от Ходасевича или от Зинаиды Гиппиус, — и так далее. (...) “Пора, мой друг, пора”. Поговорим же о поэзии всерьез, может быть, в первый и, как знать, пожалуй, в последний раз в жизни. Не размахнуться бы, однако, Хлестаковым, по гоголевскому признанию о самом себе: контр-соображение, разумеется, тут как тут! Да и где бы оказалось оно уместнее?» (Г. В. Адамович. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 14. С. 159). Ср. с суждением о Розанове в связке с «размахнуться Хлестаковым» в «Комментариях» приведенную ниже в тексте цитату (Там же. С. 73).

¹⁴ Там же. С. 168–169.

¹⁵ Г. В. Адамович. Сто писем... С. 162 (Письмо от 10 августа 1957 г.). Ср. более ранний отзыв в письме к В. Н. Муромцевой-Буниной от 1 мая 1956 г.: «Читал “Розанова” в Чех. Изд-ве, с предисловием Иваска. Когда-то я его очень любил, а теперь — все меньше, хотя кое-где и кое в чем это писатель удивительный и исключительный. Но только в отдельных фразах, не в целом» (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. А. Коростелева, Р. Дэвидса. М., 2004. С. 135).

ние без остатка», тогда как фрагментарность эссеистики Адамовича, напротив, про паузы и недоговоренность, оставление пространства для читателя¹⁶. Но, возвращаясь к исходным замечаниям, в этом отторжении «розановщины» скрывается еще и ясное осознание невозможности продолжения — Розанов (экс-любимый и уже без «экс») не предполагает следования, повторения. В 1964 г. в «Оправдании черновиков» (затем вошедших в издание «Комментариев» 1967 г.), Адамович пишет о собственном соблазне — попробовать написать «о том, что с первых лет юности, может быть под воздействием Розанова, казалось именно “самым важным”»:

«А потом спохватываешься: и хорошо, что не написал! Подумаешь, о “самом важном”! Что получилось бы? Тремоло в голосе, самолюбование, чернила, чернила, будто бы ставшие кровью. Пиши, голубчик, лучше о внутренних отличиях пятистопного ямба от четырехстопного, тут по крайней мере и сорваться трудно.

Это — к упоминанию о “розановщине”¹⁷.

Характерно, что тем самым Адамович возвращается к своим ранним суждениям о Розанове, отраженным в письме к З. Н. Гиппиус от 7 июля 1925 г.:

«Отчего Вы говорите, что я “несправедлив” к Розанову? Я его очень люблю и хорошо знаю. Никогда, кажется,

¹⁶ А отчасти, видимо, и с нежеланием, страхом раскрывать себя вполне — отмеченном, в частности, Одоевцевой (см.: *И. Одоевцева*. На берегах Сены. СПб., 2007. С. 158–159 и сл.), которое нетрудно, при желании, увязать с его сексуальными предпочтениями и сопряженным с этим социокультурным контекстом. Впрочем, сама Одоевцева в данном случае говорила скорее о стиле семьи: «В семье Адамовича члены ее все скрывали друг от друга и, главное, от матери, чтобы не огорчать ее, из любви к ней» (Там же. С. 199).

¹⁷ *Г. В. Адамович*. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 14. С. 368. В «Комментариях» 1967 г. последняя фраза снята — см.: Там же. С. 74.

я о нем ничего недоброжелательного не писал. Разве только о его стилистических последователях»¹⁸.

И возвращается вновь к тому же сюжету через год, в письме к Гиппиус от августа 1926 г.: «Вот, меня все время, и сейчас, занимает мысль: надо ли писать, как Розанов и отчасти Цветаева (и как, кажется, Вам нравится — Вы писали об этом в статье о Розанове), т. е. передавая все движения и движеньица сознания языком, или надо обезличиваться, закруглять и сдерживаться? Я всячески сочувствую второму типу стиля, анти-розановскому, но не надеюсь в этом когда-нибудь кого-нибудь убедить и помышляю, не лучше ли сдать. Ведь “обезличивая и закругляя” всегда кажешься слегка тупицей, “делопроизводителем”, и сухость кажется просто бедностью»¹⁹. Спустя почти полвека, в последнем письме к И. Одоевцевой, 1972 г., Адамович повторяет:

«Вчера я писал разные мелочи для себя и для вечности впрок и написал, что трех писателей мне иногда неловко писать (за себя и за них) в нисходящем порядке: Достоевского, Розанова и Цветаеву»²⁰.

Весьма примечательно, однако, и другое — если едва ли не с самого начала своей эмигрантской литературно-критической деятельности, то есть, собственно, с того момента, как Адамович обрел свое лицо (по меньшей мере то, с которым вошел в историю литературы, как она видится из сегодняшней перспективы), он то более, то менее, но едва ли не неизменно критично высказывался о Розанове — и стилистически мыслил его почти как прямую про-

¹⁸ *Г. В. Адамович*. Письма Г. В. Адамовича к З. Н. Гиппиус / Публ., вступ. ст., коммент. Н. А. Богомолова // *Дiaspora. Новые исследования и материалы*. Вып. III. СПб., 2002. Цит. по: www.litmir.me/br/?b=200257.

¹⁹ Там же.

²⁰ *И. Одоевцева*. Указ. соч. С. 154.

тивоположность того, к чему надлежало стремиться, видя идеал в собранности, сдержанности, сокрытости — в смысле «не болтливости», не выбалтывания души, то о Розанове в связи с Адамовичем неоднократно вспоминали в критических высказываниях оппоненты. Так, А. Л. Бем в «Мече» в 1935 г., откликаясь на новую книжку «Современных записок», начинал свой обзор следующим образом:

«“Комментарии” Г. Адамовича из “Чисел” перекочевали в “Современные записки” (см. кн. 58-ю). На страницах этого “общественно-политического” журнала *острые, почти “розановские” — по скрытому в них яду — строки размышлений Г. Адамовича* [выделено нами — А. Т.] вызывают совершенно другие чувства. Невольно ищешь примечания редакции, в котором она себя отгораживает от мыслей, высказываемых в статье. Но этого примечания нет»²¹.

Много лет спустя, уже в 1951 г., давний неприятель Адамовича Г. П. Струве вспомнит в связи с ним и Розанова, и своего отца, сопроводив статью «Десница и шуйца г. Адамовича»²² вступительным примечанием²³:

²¹ Цит. по: «Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции. В 4 т. Т. 2 / Под ред. О. А. Коростелева и М. Шрубь. М., 2012. С. 12.

²² Русская мысль, 1951, 13 июня.

²³ Статья Г. Струве будет спровоцирована началом сотрудничества Адамовича (с 1946 по 1949 г. публиковавшегося в просоветских «Русских новостях») с 1951 г. в нью-йоркской газете «Новое русское слово», с 1956 г. Адамович начнет публиковаться и в «Русской мысли», в которой за пять лет до того найдет приют филиппика Струве. О сомнениях и колебаниях Адамовича — публиковаться или нет в «Русской мысли» — и об обстоятельствах этого выбора см.: Т. М. Климова. «Надо печататься и во Франции...»: Георгий Адамович в парижской газете «Русская мысль» // Г. В. Адамович. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 11. С. 5—10; «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г. В. Адамовича с М. А. Алдановым (1944—1957) / Предисл., подгот. текста, примеч. О. А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2011. С. 444—455.

«Ниже печатаемая статья была предложена мной некоторое время тому назад нью-йоркскому “Новому русскому слову”, поскольку после появления на страницах этой газеты бывших сотрудников парижских “Русских новостей” — сначала В. Е. Татарина, а потом Г. В. Адамовича — для меня встал во всей остроте вопрос о возможности “литературного сотрапезничества” (выражение моего покойного отца в его знаменитой статье о В. В. Розанове) с ними. Я пришел к заключению, что подобное “сотрапезничество” с недавними сотрудниками парижской советской газеты, с такой легкостью перекочевавших без всяких объяснений в нью-йоркскую антибольшевистскую газету, мыслимо лишь в том случае, если мне будет позволено сказать со всей откровенностью, что я думаю об Адамовиче и его писаниях последних лет. Несмотря на то, что редактор “Нового русского слова” широко допускает на страницах своей газеты полемику между отдельными сотрудниками, он отказал в напечатании моей статьи, и я счел вынужденным напечатать ее в другом месте»²⁴.

Оппоненты и критики — особенно глубоко недоброжелательные — нередко оказываются способнее видеть глубинные черты объекта своего недоброжелательства: они зорки на деталь, что не сообщает, разумеется, верности целого. Но в случае Адамовича и Бем, и Струве уловили — за внешним отталкиванием — сохраняющееся притяжение к розановскому. Другое дело, что для самого Адамовича «розановское» было неповторимым, невоспроизводимым — независимо от того, как в конкретный момент времени сам Адамович воспринимал розановское, как близкое и удивительное или как неловкость.

²⁴ Цит. по: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О. А. Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. СПб., 1997. С. 399, прим. 30.